

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ –
КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель

Звезда на одну роль

Венчание со страхом

Прощание с кошмаром

Темный инстинкт

Все оттенки черного

Зеркало для невидимки

Врата ночи

На randevу с тенью

Улыбка химеры

Готическая коллекция

Ключ от миража

29 отравленных принцев

Флердоранж – аромат траура

Молчание сфинкса

Родео для прекрасных дам

Дамоклов меч над звездным тронem

Рейтинг темного божества

Прощай, Византия!

Сон над бездной

Царство Флоры

Предсказание – End

Драконы ночи

Black & Red

Пир на закате солнца

Три богини судьбы

ДНК неземной любви

Душа-потемки

Тот, кто придет за тобой

Демоны без ангелов

Валькирия в черном

Когда боги закрывают глаза

Девять воплощений кошки

Яд-шоколад

Невеста вечности

Колесница времени

Падший ангел за левым плечом

Призрак Безымянного переулкa

Пейзаж с чудовищем

Грехи и мифы Патриарших прудов

Созвездие Хаоса

Часы, идущие назад

Светлый путь в никуда

Умру вместе с тобой

Циклоп и нимфа

Последняя истина, последняя страсть

Перекресток трех дорог

Имеющий уши, да услышит

Великая иллюзия

Коридор затмений

Мойры сплели свои нити

Корень зла среди трав

Храм Темного предка

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Флердоранж –
аромат траура

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Флердоранж — аромат траура / Татьяна
Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-207724-1

Почему на этом огромном поле, где мирно колосится рожь, людей охватывает первобытный ужас? Почему именно на нем нашли расчлененное тело бизнесмена, а год спустя напали на молодоженов и зверски убили счастливого мужа? Что заставляет приходить сюда модного живописца, участкового милиционера, бывшего солдата-наемника? Загадка этого поля, о котором ходит столько мрачных слухов, мучает всех окрестных жителей. А сотрудницу пресс-центра УВД Катю Петровскую и начальника «убойного» отдела Никиту Колосова сюда приводит служебный долг. Им предстоит разобраться, где кончаются легенды и начинаются, пусть и страшные, но факты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207724-1

© Степанова Т.Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

...Я слышал, это место у вас нечистое.

Иван Тургенев. Бежин луг

Старенький «Икарус», напрягая мотор, из последних сил преодолевал подъем на крутой холм. В кабине водителя играло радио. Но никто из пассажиров его не слушал. Салон был почти пуст — рейс был дневной, к тому же не столичный, а ясногорский. В июне в разгар сенокоса среди местных жителей ажиотажа на этот рейс не наблюдалось.

— Слышь, пацан, ты там заснул, что ли? Тебе выходить. Сейчас Борщовка как раз будет, только с холма спустимся. Слышь, нет? Уши-то открой, ишь законопатил... Я ведь с тобой разговариваю. Тебя кто в Борщовке встречает? — водитель, поглядывая в зеркало, обращался к сидевшему на переднем сиденье десятилетнему мальчугану, полному и краснощекому — то ли от духоты в салоне, то ли от избытка здоровья.

Мальчик небрежно раскинулся на сиденье, облокотясь на плотно набитый рюкзак, и с упоением слушал плеер через наушники, то и дело в такт гремящему техно толкая бок рюкзака маленьким пухлым кулачком. Он ехал один, без взрослых. В Ясногорске на автовокзале его посадил в автобус старший брат, попросивший водителя довезти мальчика до остановки Борщовка.

— На деревню к дедушке, что ли, едешь-то? На каникулы? — поинтересовался, приглушая радио, водитель.

— К бабуле, — мальчик тоже выключил свой плеер, снял наушники и тут же приклеился к окну. — Ух ты, видали, какой крутой! — он проводил восхищенным взглядом промчавшийся навстречу «Икарусу» черный пыльный «БМВ». — Щас как даст в разгончик сто сорок...

— Значит, бабуля тебя в Борщовке встречает? — спросил водитель.

— Ну!

— Баранки гну, ты как со старшими, шкет, разговариваешь?

— Нормально, а что вы все ко мне пристаете?

— Как это что? Сейчас остановка через пару минут. Не могу же я тебя одного посреди дороги бросить? До твоей Борщовки от шоссе еще добрых километра два топать.

— А нам не в саму Борщовку, дяденька, — мальчуган потянул за лямки рюкзака. — Нам с бабулей в Татарское надо. Только ведь автобусы туда все равно не ходят.

Водитель только головой покачал: ишь ты какой осведомленный. Дорога пошла под уклон. Внизу в долине, окруженной со всех сторон холмами, раскинулись поля, разделенные островами хвойного леса. Над ржаным полем, уходившим направо от шоссе широким желтым полотном к самому горизонту, низко кружили черные птицы.

Мальчик, занятый своим рюкзаком и плеером, увидел их в окно автобуса. Но не обратил никакого внимания. Водитель тоже заметил птиц.

— Воронья-то, воронья... Откуда только взялось. Прямо туча... — пробормотал он.

«Икарус» проехал ржаное поле, шоссе штопором ввинтилось в сумрачный, пышущий полуденным жаром и смолистой хвоей бор. И водитель тут же позабыл про кружившую в небе воронью стаю.

— Борщовка. Следующая остановка Глубокое, — объявил он своим немногочисленным пассажирам. Никто, кроме мальчика, в Борщовке не выходил. Пассажиры дремали. Закинув на спину рюкзак, мальчуган бойко выпрыгнул из автобуса. Водитель наблюдал за ним в зеркало, медля закрывать двери автобуса. Что-то словно удерживало его, не позволяя уезжать, оставляя ребенка одного. Маленькая детская фигурка на пустынной дороге...

Водитель вытер со лба капли пота — ну и жара. И это только первый месяц лета. Что же будет в августе? Он снова заглянул в боковое зеркало и увидел теперь рядом с мальчиком пожилую женщину в мешковатом летнем платье из тем-

ного ситца в белый горошек и линялой панаме. Бабушка и внук обнимались, явно радуясь встрече. Водитель закрыл двери. Все в порядке. Теперь можно ехать дальше.

Он видел их обоих в зеркало. Они шли рядом — пожилая женщина и ребенок, — оживленно разговаривали, смеялись, жестикулировали. Но их голоса заглушал гул мотора. А проселочная дорога к Татарскому уходила от шоссе в поля. Через четверть часа автобус прибыл на конечную остановку в Славянолужское. И больше они никогда не встречались. Водитель «Икаруса» так и не узнал, что мальчика звали Денис, а пожилая женщина была местная учительница Вера Тихоновна Брусникина.

Было ровно час пополудни, а они не прошли до Татарского еще и половины пути.

— Дениска, подожди. Не беги так быстро. Я за тобой не поспеваю... И рюкзак дай-ка мне. — Вера Тихоновна протянула руку, тщетно пытаясь удержать расшалившегося внука подле себя.

— Я сам, он не тяжелый. Ба, зверски пить хочется!

— Терпи до дома. Скоро уже придем. Там обедать будем. Чай пить с вареньем... Я ведь тебя с раннего утра сегодня жду. Крыжовника набрала целое блюдо. Только он зеленый еще. Не поспел. Да ты, помнится, такой как раз больше любишь, кисленький... — Вера Тихоновна от жары и быстрой ходьбы тяжело дышала. — После обеда поспишь, и на речку пойдем купаться.

— Ба, а велик мой цел?

— Цел твой велик, я соседского сынка Генку Бочарова вчера позвала смазать его да шины подкачать. Да не убегай ты от меня далеко, стой!

— Это хлеб так растет, да? — Денис показал на подступавшие к дороге колосья.

— Это рожь. Зреет. Зернышки видишь какие у нее, наливаются. А ты все уже забыл? Помнишь, я тебя учила злаки различать? Овес, гречиху, пшеницу.

— У меня по ботанике во всех четвертях тройбан.

— А тут нечем хвастаться, милый мой.

— А я и не хвастаюсь. — Денис вздохнул. — Просто говорю... Ой, у меня майка совсем взмокла!

— Сильно вспотел? Давай передохнем, постоим, — Вера Тихоновна остановилась, сняла со спины внука рюкзак и поставила его на землю. Огляделась.

Кругом не было ни души. Пыльная лента проселочной дороги петляла в высокой ржи. Вдали темнела полоса Лигушина леса. На фоне желтого поля и бледно-голубого солнечного неба деревья казались темными, словно на густую зелень легла чья-то гигантская тень. За Лигушиным лесом катила свои ленивые теплые воды речка Славянка. Но отсюда, с проселка, ее не было видно. Зато с реки повеяло свежим ветром — по полю, словно по морю, плыли золотистые волны. Сонную полуденную тишину не нарушал ни один звук. Только басовито жужжали мухи — так, словно где-то во ржи собрался их целый рой. Что-то манило их, привлекая все новых и новых...

Солнце слепило Денису глаза. Он приложил руку козырьком ко лбу. Поле было похоже на желтое огромное одеяло. И видимо-невидимо высоких гибких колосьев с колкими усиками и зернами, которые до срока — пальцы заболят — никак не выковырнешь. Вдали среди мерно колышущихся под легким ветром ржаных волн медленно двигалось что-то. Появилось и снова пропало. И вновь возникло. Что-то темное, странно выделяющееся на фоне безмятежного желто-голубого пейзажа.

Денис напряг зрение, стараясь рассмотреть, что же это такое, но солнце било прямо в глаза. А то, что было вдали или, возможно, лишь казалось там, среди волнующихся под ветром колосьев, снова исчезло. А потом опять появилось. И вроде стало приближаться к дороге.

— Бабуля, а что там? Во-он там. — Денис, чувствуя какое-то непривычное смутное беспокойство, обернулся, показывая вдаль.

— Где?

— Там, в хлебе... Там что, кто-то прячется?

— Кто там может прятаться? — Вера Тихоновна из-под ладони тоже пристально смотрела на волнующуюся рожь. Но из-за солнца ничего толком разглядеть не удавалось. Да и глаза уже были не те...

— Ты что там видел? — спросила она внука.

— Не знаю. Я... — Денис смотрел на нее. — Ба, ты что?

— Давай-ка рюкзак, дай мне руку, пойдем.

— Но мы же хотели отдохнуть.

— Уже отдохнули. Пойдем скорее. — Вера Тихоновна, крепко взяв внука за руку, быстро зашагала по дороге.

Колосья тихо шуршали под ветром. Солнце пекло. Гудели мухи...

— Идем быстрее, — Вера Тихоновна, часто тревожно оглядываясь через плечо, тащила мальчика за собой. — Сейчас уже ферма будет, а там и до дома рукой подать. И не прятался там никто во ржи, что ты... Это просто тень от столба... никого там не было... Никто нас с тобой не догонит...

Они уходили быстро, и голоса их постепенно стихали. И вот уже совсем стихли за поворотом. Над полем снова повисла душная давящая тишина. Высокая рожь стеной подступала к дороге. И эта желтая стена казалась такой плотной, такой непроницаемой.

А в глубине поля рожь на небольшом пятачке была смята, местами даже вырвана с корнем. Изломанные, изуродованные колосья покрывали темно-бурые пятна, запекшиеся на солнце. На земле была лужа, а возле нее валялось то, что привлекало и мух, и ворон, которые стаей кружили в знойном полуденном небе.

Глава 1

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Год и семь дней спустя

Когда мечты сбываются, это не всегда конец истории, а порой только ее начало. Потому что счастье все так же призрачно и недостижимо. И нет никакого покоя в вашем бедном сердце — одна лишь тревога, лихорадочное ожидание, надежда на чудо, хотя... Какие чудеса могут быть впереди, когда ваше самое заветное, самое жгучее желание уже исполнилось?

Полина Чибисова в свои двадцать лет страстно желала выйти замуж. Сколько раз грезилась ей блистательные атрибуты хрустальной мечты — обручальные кольца, белые розы, накрытые свадебные столы, ослепительное платье, купленное в Москве в модном салоне на Тверской, торжественное венчание в церкви после загса. В той самой церкви — заново отреставрированной и расписанной, куда ее отец Михаил Петрович Чибисов в прошлом году пожертвовал колокола. Черный парадный лимузин с белыми сиденьями, примчавшийся прямо из голливудского фильма, и поцелуй под оглушительное «горько!» гостей.

— Горько!

Мечта сбылась. Это кричали ей, Полине. Она была невестой на собственной свадьбе, а рядом с нею был ее жених, а теперь, после загса и венчания, наверное, законный муж Артем Хвощев. Он положил руку на ее плечо, улыбнулся радостно и тревожно одними глазами:

— Ну что? Как, а?

И Полина послушно поднялась. Артем был рядом, совсем близко. Она читала по его лицу — он горд уже тем, что они стоят вот так, на виду у всех, что он обнимает ее и...

— Горько! Горько, ребята, дорогие наши, горько!

Полина закрыла глаза, чувствуя губы Артема на своих губах. Свадебный поцелуй. Соль вашей заветной мечты.

Соль...

— Ты что, Поинка? Ты плачешь, что ли? — Артем не отпускал ее, заглядывая в лицо. — Как ребенок... Или я не так что-то сделал?

— Нет, нет, ничего, это просто... вдруг что-то накатило на меня. Все хорошо, Артем. Все просто отлично. Отпусти, я... зеркальце достану...

— Смутилась? Сму-у-тилась моя дочура, красавица моя зарумянилась, как роза. Тут свадьба твоя, доченька. А мы тебя все любим. Счастья все тебе желаем. Большого, крепкого счастья тебе и Артему...

Полина сквозь гул оживленных голосов гостей слышала голос отца. Отец был уже сильно навеселе. Но Полина знала: и пьяный и трезвый он любит ее больше всего на свете. И так будет всегда. Она села на свое место. Надо же, какими длинными, просто бесконечными бывают, оказывается, эти свадебные торжества. Банкет устроили на открытом воздухе. Столы под парусиновыми тентами по желанию Михаила Петровича накрыли на высоком живописном берегу Славянки. Официантов и поваров отец пригласил из Москвы, из ресторана на Арбате. Дизайнер-декоратор и флорист были тоже из Москвы. Все это стоило немалых денег, но отец и свекор денег на свадьбу не пожалели.

Полина знала, что ее брак с Артемом Хвошевым был давней и тоже заветной мечтой ее отца Михаила Петровича. Артем был единственным сыном старого друга Михаила Петровича Антона Анатольевича Хвошева, которого Полина с самого детства называла не иначе как дядей Тошей.

Самого свекра за свадебным столом не было. Антон Анатольевич Хвошев вот уже четвертый месяц лежал в больнице. Полина и Артем звонили ему в его персональную палату по мобильному телефону прямо из загса. Он поздравил их, пожелал счастья. Но голос его был таким слабым и таким отрешенным, что сердце Полины тревожно сжалось. Он любил дядю Тошу и очень боялась, что он умрет.

Артема она тоже знала с раннего детства. Они дружили. И в пятнадцать-шестнадцать лет Полине казалось, что

Артем — единственный, с кем ей всегда весело и легко, с кем можно и поспорить, и посмеяться, и потрепаться всласть, и посплетничать о том, о сем. И вдруг все изменилось в одночасье.

Полина разглядывала гостей. Возле нее стоял официант, подливал в их с Артемом бокалы шампанское. Полина желала только одного: чтобы этот официант колдовал над их бокалами и тарелками как можно дольше — он загораживал ее от всех, и из-за его накрахмаленного плеча, точно из укрытия, не выдавая себя ни вздохом, ни намеком, можно было неотрывно смотреть на...

Полина почувствовала, как непрошенные предательские слезы снова наворачиваются на глаза. *Он* был так далеко! А ведь должен был сидеть здесь, рядом, на месте Артема. *Он* пил шампанское, шутил, ел, смеялся. Веселился на ее свадьбе, вел себя как ни в чем не бывало и был всего лишь гостем, а не главным виновником торжества.

Рядом с ним сидел его друг и приятель Константин Туманов — как всегда спокойный и невозмутимый. И Галина Островская тоже была — глушила шампанское фужер за фужером, кривлялась, точно ожившая мумия, сыпала парадоксами, стреляла глазами, флиртовала. Полина из-за плеча официанта с болью в сердце следила, как она наклоняется к *нему*, что-то шепчет ему на ухо, призывно залиvisto ржет, запрокидываясь назад, как норовистая лошадь... Как она смеет дотрагиваться до *него*! Старая мымра, алкоголичка...

— Саша, Сашенька дорогой, тебе слово, пожелай что-нибудь молодым!

Полина услышала голос отца и почувствовала, как вся кровь ее прихлынула к щекам и сердцу. Отец громогласно, через весь стол обращался к *нему*. Полина опустила глаза, сосредоточив все свое внимание на пышном букете белых пионов, подобранных столичным флористом с редким вкусом. Пионы испускали тонкий сладкий аромат. Полина смотрела только на цветы. Не на *него*. И не на сидевшего рядом Артема.

— Полина и Артем, поздравляю вас от всего сердца. Желаю вам счастья. Любите друг друга. Будьте друг другу опорой и радостью в жизни. И детей вам желаю много-много, таких же красивых, как вы...

Он говорил это торжественно, с чувством — так всегда ораторствуют на чужих свадьбах, провозглашая тосты и здравницы после коньяка и шампанского. Полина упрямо разглядывала махровые чаши пионов в букете. Протянула руку, коснулась. Так робко и так нежно она однажды коснулась и его лица...

— Горько!

Это крикнул не *он*. К счастью, не *он*. Не то, наверное... сердце — так почудилось Полине — лопнуло бы, как воздушный шарик, улетевший слишком высоко под облака. «Горько!» — во всю силу своих молодых тренированных спортом легких крикнул Костя Туманов. У него был красивый низкий мужественный голос. Таким только команды отдавать на поле боя...

Артем поднял ее: Полина почувствовала его нетерпение. И на этот раз послушно ответила мужу на поцелуй. Все равно ведь. И назло.

Со свадебного застолья открывался великолепный вид на реку, заливные луга, дальний лес. Над лесом небо уже розовело вечерним закатом.

— С фейерверком тянуть не будем, а то к ночи вроде дождь обещали с грозой. — Полина точно во сне слышала возбужденный голос отца. — Уважаемые гости, дамы и господа. Товарищи! Друзья! Через несколько минут — сюрприз! Это еще не свадебный торт — торт впереди. И молодые пока еще нас не покидают, ха-ха!

Полина слышала, как отец со смехом объясняет гостям, что свадьба вполне современная, продвинутая, что называется. Брачную ночь молодые проведут одни и в дороге. Как там у Чехова? «В Москву, в Москву!» Ну конечно, куда же еще в такой момент жизни? А там ровно в шесть утра аэропорт Шереметьево, рейс на Малагу, и через какие-то три с небольшим часа — пожалуйста, Средиземное море, полная идиллия на лоне испанского побережья плюс отличный отель, где уже забронирован через надежное тур-агентство номер с видом на лазурную водную гладь.

— Хотел своего шофера с ними послать, так зятек не желает. Самостоятельный попался. — Полина слышала, как отец добродушно подсмеивается над Артемом. — И то верно,

третий в такую ночь — лишний. Это точно. Ничего, сами доедут. Машина у Артема хорошая, хоть и не новая. Оставят на платной стоянке в аэропорту, а кто-нибудь из моих утром приедет, назад перегонит. Верно я рассуждаю, Артем?

— Верно, дядя Миша, — Артем, отвечая тестю, заглянул Полине в глаза, словно спрашивая: так?

— Полинку мою, смотри, береги, парень. Ничего дорожке ее у меня нет и не было. Кроме вас двоих, никого у меня нет, ребята...

Полина почувствовала, как Артем крепко, почти до боли сжал ей руку. Она знала: он сильно волнуется, переживает и ждет. В сущности, в свои двадцать три года он еще мальчишка. Пусть и воображает, порой даже хвастается своими победами среди однокурсниц, а когда доходит до главного — смущается. Целуется неумело и жадно, и так, словно она, Полина, крепкий коктейль, который пьют не через соломинку, а опрокидывают в себя залпом, в один присест.

— Пойдем-ка танцевать, муж, — сказала она Артему. Он засмеялся и поцеловал ее — метил, конечно, в губы, но почему-то попал в ухо.

В вечернее небо с треском и шипением взлетали одна за другой серебристые ракеты, громко взрывались петарды. На лугу играл приглашенный из Москвы оркестр, подвыпившие шумные гости танцевали среди огней праздничной иллюминации. В пестрой толпе танцующих Полина все время искала глазами *его*. Но *он* не танцевал. Сидел за столом с другом Тумановым и Островской. Та, как отметила Полина, была уже почти совсем пьяная: что-то громко декламировала — какие-то стихи, бурно жестикулировала жилистыми загорелыми руками, на которых словно кандалы звякали чеканные металлические браслеты.

А потом Полина увидела, как к *нему* томно и хищно подкралась рыжая Лиз — личный секретарь отца. Улыбнулась, вильнула бедрами, повела точеными хрупкими плечами, демонстрируя декольте, и властно увлекла *его* за собой в толпу танцевать. Она была весела от шампанского и очень изящна и пластична в танце. Глаза ее сияли, манили, обещали все на свете — возможное и невозможное. Она вообще была очень яркой — эта рыжая Лиз. И все мужчины, даже отец, смотре-

ли на нее так, словно она была уже раздета и ждала их в постели.

— Скоро мы поедem? — спросила Полина Артема.

— Ровно в полночь. Как в сказке — с бала на корабль, — он обнимал ее, крепко прижимая к себе, но танцевал скованно. — Я сам жду не дожусь... И мне все не верится даже, честное слово...

— Что не верится? — Полина смотрела в его лицо, стараясь найти в нем хоть черточку от того, другого, бесконечно дорогого и любимого лица.

— Ну, что ты — вот, и ты моя жена, — Артем покачал головой. — Надо же... И это так классно, что через какой-то час-два мы уедем. Отец отлично все устроил с этим туром в Испанию. Ты что опять, Полин, что с тобой?

— Я все время думаю, как он там? Твой отец?

Лицо Артема сразу словно погасло. Когда речь заходила о том проклятом несчастье и нынешней болезни и беспомощности его отца, Антона Анатольевича Хвощева, он замыкался в себе.

— Как только вернемся из Испании, сразу же поедem к нему в больницу, — решительно сказала Полина. — Я бы сегодня поехала, прямо сейчас.

— Нет, нет, я не хочу, — Артем, словно испугался чего-то. — Только не сегодня...

— Артем, ты позволишь пригласить твою жену?

Полина судорожно прижалась к мужу — ноги ее вдруг стали как ватные. Рядом с ними был *он*. *Он* обращался к Артему.

— Александр Андреевич, конечно, — Артем заулыбался, однако улыбка его была немного фальшивой. Он отстранился от Полины. — Спасибо, что пришли к нам сегодня.

Полина выпрямилась. Александр был выше Артема на целую голову. И гораздо шире в плечах, крупнее, сильнее. Он был старше. У нее с ним была разница почти в пятнадцать лет. Однажды он сказал ей, что это очень, очень много — половина сознательной жизни. И почти вся юность. А она тогда не понимала, как он может ей вот так спокойно говорить это. Ведь в свои двадцать лет она днем и ночью страстно, болезненно мечтала о браке именно с ним, с этим человеком.

И формально, во всех мелочах, от обручальных колец до венчания под звон колоколов, мечта ее полностью сбылась. Только вот не он стал ее мужем. Он ее не взял за себя. Не захотел.

— Александр, извините, — Полина собрала все свои силы, всю себя крепко, очень крепко в горсть, в кулак, — но сегодня я танцую только с Артемом.

Она видела, как он шутливо улыбнулся, развел руками — что ж, ничего не попишешь. Артем, гордый до невозможности, приподнял ее, закружил. В небе с треском и шипением распустился новый огненный цветок кустарного китайского фейерверка. И ему нехотя и ворчливо ответил с юга далекий громовой раскат.

— Ночью будет гроза! — объявил кто-то из гостей громко и весело. — Дамы, признайтесь честно, кто купался в речке ночью в грозу? Что, никто не купался? Это ж чистейший кайф, дамы, милые... Ни с каким джакузи и сравнить нельзя. Суперэкстрим!

Как водится, в назначенный час они не уехали. Пока прощались с гостями, выслушивая пожелания, напутствия, игривые советы, пока пили шампанское «на посошок», целовались, обнимались — время приблизилось к половине второго. Наконец сборки-проводы были закончены. Невесту усадили в машину, жених сел за руль и...

— Папочка, мы тебе из аэропорта позвоним! — пылко пообещала Полина отцу.

— Михаил Петрович, не волнуйтесь за нас! — крикнул Артем, нажал на газ, и его юркий внедорожник «Судзуки» сорвался с места — на свободу, в большую, абсолютно взрослую супружескую жизнь.

Вскоре огни иллюминации, столы под тентами, джаз на лужайке остались далеко позади. Ночь окутала дорогу. Здесь не было фонарей, а звезды скрыли затянувшие небо облака.

— Точно, ливень будет, — сказал Артем. — Гроза с юга идет. От наших-то еле отвязались, а? Полиныч, ну что ты все в окно да в окно? Я ведь не там, я здесь... Регистрация у нас на рейс во сколько, с пяти?

— Да, — Полина расправила на коленях складки подвечного платья, думая о том, где удобнее его снять — здесь, на ночной дороге, или в туалете аэропорта?

— Ну! А сейчас только два часа. Доберемся до Москвы тоже за два, остается еще уйма времени.

— Для чего? — спросила Полина.

Артем засмеялся, резко нажал на тормоз, обнял ее, пригнув к себе, целуя ее волосы, шею, губы.

— Я до Испании вашей не дотерплю, умру, — шептал он ей на ухо. — Съедем с дороги, а?

Он лихорадочно крутил руль. Старенький «Судзуки», как лягушенция, прыгал по кочкам и колдобинам пыльного проселка — развернулся, рыча мотором, и начал углубляться от шоссе в поля. Полине, оглянувшейся назад, померещилось, что вдалеке тускло сверкнули фары чьей-то машины. Но дорога вильнула вбок, и стена высокой ржи заслонила все, кроме темного небесного купола над головой.

— Я всегда хотел, чтобы у нас с тобой первый раз было вот так, — жарко шептал Артем. — Не где-то на хате съемной, не в гостинице, не дома, а вот так, круто, когда кругом только голый космос, Вселенная и мы вдвоем...

Он дернул рычаг, опуская сиденье. Полина молчала. Это должно было случиться, раз он стал ее мужем. Так не все ли равно, когда это произойдет — сейчас в поле среди ветра, мрака и ржи или в аккуратном номере чужого отеля? Артем опустил стекла — ночь окутала их прохладой и тишиной, словно сотканной из миллиона таинственных шорохов и звуков. Полина слышала стрекот цикад, шелест листвы. Она чувствовала, как ночь и тишина обволакивают их, как нежная крепкая паутина, соединяя, сплетая...

Артем, путаясь в застежках, уже освобождал ее от подвенечного платья. Он сбросил пиджак. Расстегнул рывком рубашку, и она сейчас была похожа на белый парус или флаг...

Полина протянула руки и медленно высвободила из-под этого паруса торс мужа. Артем был худощавый, тело его было по-мальчишески угловатым и хрупким. Артем приник губами к ее губам. Полина обняла его и...

— Что это? — она вздрогнула. — Ты слышал? Ты это слышал? — Она напряженно вглядывалась в темноту, окружавшую их машину.

— Здесь никого нет. Все спят, мы одни, — Артем пытался удержать ее. — Это, наверное, ветер или, может, птица... Ты

сама мне говорила, что на старой колокольне гнездятся совы. Мы одни, никого, кроме нас, на свете нет... И я тебя люблю...

Полина почувствовала, что не может более сдерживать его и сдерживаться сама. Зачем сопротивляться, терзаться, жалеть. Она уже вышла замуж, мечта сбылась. Артем ее муж. Так вышло. Наверное, это судьба. Тело Артема оказалось, несмотря на всю его худощавость, тяжелым. Он так старался, так ласкал ее, но глаза Полины не видели ничего, кроме темноты.

И вдруг... Все произошло в какое-то мгновение — раздался оглушительный грохот, скрежет металла и звон разбитого вдребезги лобового стекла, по которому что-то ударило мощно и страшно. Сверкнула молния, и совсем близко, почти над самой головой Полины, ахнул раскат грома. И в его грохоте потонул дикий животный вопль боли. Полина с ужасом поняла, что это кричит Артем, и одновременно почувствовала, как что-то горячее и липкое заливает ей голую грудь и лицо. Артема могучим рывком сорвало с нее и выбросило вон из машины. Он истошно кричал. И вдруг его крик оборвался. Полина сжалась в комок, боясь пошевелиться. Сама мысль о том, чтобы приподняться и посмотреть, что там происходит с Артемом в этой непроницаемой тьме, была нестерпима, невозможна, ужасна. Первые капли дождя гулко забарабанили по крыше машины, заливая через выбитое лобовое стекло салон. Полина не могла даже кричать, звать на помощь — горло ее точно натуго захлестнула петля. А потом она услышала, как к шуму дождя примешиваются какие-то странные звуки — и они приближались. Мрак сгустился, принимая очертания еще более темной, плотной, осязаемой тени. Что-то через выбитое лобовое стекло заглянуло в салон, и Полина, дико вскрикнув от ужаса, потеряла сознание.

Глава 2

СОН

Сильный порыв ветра поднял красные лепестки, закружил, завертел, и в руках у Кати осталась маковая лысая головка. Когда вы обрываете лепестки мака, ваши пальцы становятся липкими от его млечного сока.

А маков кругом видимо-невидимо... То там, то тут среди высоких желтых колосьев мелькнет алое пятно — красное на желтом до самого горизонта.

Катя наклоняется и срывает новый цветок. Она ходит по полю и собирает маки. Она видит себя словно со стороны — так отчетливо, ясно. Видит и свою тень — она движется по земле, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и внезапно соприкасается с чужой тенью.

Катя стремительно оборачивается, и... никого рядом. Только ветер кружит маковые лепестки, превращаясь в маленький тугой смерч. Катя смотрит себе под ноги — вот ее тень. А вот, совсем рядом, чья-то другая. И эта чужая тень, извиваясь, стелясь по земле, медленно подползает и вдруг резким рывком выбрасывает вперед цепкую хищную руку со скрюченными пальцами и...

Сердце Кати вот-вот выскочит из груди. Она бежит, не разбирая дороги, не глядя под ноги, бежит сломя голову из последних сил. Ноги путаются в желтых сухих стеблях, что-то больно бьет по лицу — резкий колючий ветер или тугие колосья. Задыхаясь, Катя останавливается. Кругом царит мертвая тишина. Катя оглядывается: стена желтых спутанных стеблей окружает ее со всех сторон. Ничего не видно, кроме клочка белесого знойного неба над головой. Вдруг тишину нарушает шорох, словно кто-то невидимый, но близкий медленно и упорно прокладывает себе в этих зарослях дорогу, преследуя, не отставая ни на шаг.

Катя видит, как колышутся сухие метелки травы. Что-то движется к ней оттуда, из зарослей. Она пятится, спотыкается, вскрикивает, падает и... просыпается.

В комнате серый утренний сумрак. Подушка съехала, простыня сбилась. А рядом (слава богу!) само воплощение критического материализма — муж Вадим Кравченко, чаще именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.» — полуразбуженный, полусонный.

— Шер ами? Это опять вы? — Он приподнимает с подушки взлохмаченную голову. — А сколько... сколько же сейчас времени?

Катя не отвечает: сон все еще не отпускает ее. Сердце колотится.

— Полседьмого?! Ах да, — Кравченко смотрит на часы, зевает. — Ох, маманя моя, вставать пора, опять на работу... Катя, да что с тобой?

— Сон приснился, — Катя отворачивается, прячась в подушку, как в норку, — мерзкий.

— Про что? — осведомляется Кравченко. — Если про покойников, то уже в руку, к перемене погоды. Ночью такая грозища была. Я в четыре вставал, балкон закрывал, чтобы нас не залило.

— А я не слышала грозы.

— Конечно, не слышала, ты, солнце мое, спала — из пушки не разбудишь.

Катя только вздыхает, прижимается к нему — все-то он выдумывает, драгоценный. Вчера они легли поздно, а уснули еще позже. Вчера было воскресенье. Они провели его за городом, у отца Кравченко на даче. Купались, загорали на пруду. Вечером жарили шашлыки в саду под старыми липами. В саду возвышался древний турник, висел старый гамак и круглилась выпуклая клумба, а на ней заглушенные травой многолетники — «разбитое сердце» и пунцовые турецкие гвоздики. И еще огромные маки, которые выросли сами собой из семян, взявшихся неизвестно откуда. «Драгоценный В.А.» уверял, что это не кто иной, как он закопал весной на клумбе маковую сушку, и вот она бурно взошла и зацвела назло всем указам против наркоты.

Маки могли перекочевать в кошмар с дачной клумбы. А вот поле... На даче не было полей: только лес да пруд, выплеснутый за выходные купальщиками из своих топких травяных берегов.

Кравченко полежал, повздыхал, поохал, потом, расчувствовавшись, чмокнул Катю в плечо и, наконец, оторвал себя от кровати. Через минуту он уже громыхал в лоджии гантелями и компактной штангой — самым последним своим увлечением в нелегком деле бодибилдинга. Прошное увлечение — складной силовой тренажер — пылилось в кладовке.

— Где моя майка? — крикнул Вадим с лоджии.

— Там, — ответила Катя, закрывая глаза, чувствуя сон и усталость во всем теле. «Я же так быстро бежала, за мной гнались...»